

«Двусмысленная» идентичность: ислам в учебниках. «Человек и общество» и история Азербайджана Севиль ГУСЕЙНОВА (Азербайджан)

Abstract

Ideas about Islam (its versions, origins, social and cultural significance, etc.) have long been present in school history courses, and also in the “Man and Society” course. The “Man and Society” course was launched in the early 1990s in secondary schools in grades 9, 10 and 11 after Azerbaijan had left the USSR. The course maintained it was a certain act of innovation. It was claimed that this course would be new in terms of its content and thus would have little in common with the “Social Science” course launched in the Soviet times. It was quite natural to expect that the religion of the majority of the population, Islam, would in any case be mentioned in the textbooks for the course, which aimed at forming the “correct” citizens. Azerbaijani nationalism referred to Islam as one of the most important foundations of the identity of Azerbaijanis, along with the Azerbaijani language. At the same time, the system of secular education is not aimed at focusing on teaching religious rules, norms and rituals. Rather it is a question of symbolic identity – the declarative ascription of Azerbaijanis to Islam as one of the most significant bases of their identity. In this context Islam, for the time being, remains only one of the component parts of ethnicity (“our” religion), though a significant one.

Representations of Islam in school have gone through a noticeable change of dynamics in the post-Soviet situation. It gradually lost all competitors in the shape of other religious systems, and atheism definitively gave up. At the same time, the system of secular education is not aimed at focusing at teaching religious rules, norms and rituals. It is rather a question of symbolic identity – the declarative ascription of Azerbaijanis to Islam as one of the most significant foundations of their identity. “The mirror is broken” and the pieces may never be collected. Children in school are taught to be nationalistic and to not consider themselves part of the “Muslim World/civilization.” In this context Islam, for the time being, remains only one of the component parts of Azerbaijani ethnicity (“our” religion), albeit a significant one.

Keywords: Azerbaijan, identity, textbooks, Islam

«Вот прекрасный материал для карточки
в картотеке истории религии.»

Марк Блок, *Апология истории*

Введение

«Самые употребительные термины – всегда приблизительны. Даже термины религии, которым, как охотно думают, будто бы свойственно точное значение». Эта приблизительность значений привычно употребляемых терминов хорошо просматривается в нарративах школьных учебников, которые публиковались в постсоветский период в Азербайджане. И, естественно, неспроста я начала статью с цитаты из известной книги Марка Блока – именно касаясь истории и значения религии (и, конкретно, ислама) для идентичности азербайджанцев, авторы учебников становятся особенно «приблизительными», если не сказать растерянными и двусмысленными. Перефразируя того же Блока, можно сказать, что изучая религиозную карту Азербайджана, посмотрите, как много тонких нюансов можно было бы в ней указать, вместо слишком простой этикетки «мусульманская»¹.

Впрочем, помимо «этикетки» мусульманская республика, политический режим в Азербайджане официально является еще и светским. После коллапса СССР, в светском Азербайджане «статус традиционных конфессий, пользующихся полной свободой вероисповедания, получили шииты, сунниты, русская православная церковь и иудеи»². При этом большинство населения республики традиционно приписывается к мусульманам шиитского толка. Распространенная версия статистики по мусульманам шиитского и суннитского толков предполагает их соотношение, как, примерно, 70 к 30. По официальной статистике свыше 90-ста процентов населения страны исповедуют ислам.

Таким образом, Азербайджан традиционно приписывается к мусульманским странам, и это предполагает, нередко, еще и некоторую дихотомию «Восток» - «Запад» или «Север» - «Юг». Я позволю себе в этой связи довольно длинную цитату из книги Балибара и Валлерстана, где они отмечают, что:

прекрасно осознавая широту различий, отделяющих положение «Севера» от положения «Юга» (а также и сложность, которая заключается как раз в том, чтобы провести чисто географическую границу между

¹ Марк Блок, *Апология истории или ремесло историка* (Москва, 1973), 90-91.

² Тадеуш Светоховский, «Ислам и национальное самосознание на пограничных территориях: Азербайджан», в *Религии и политика на Кавказе* (Ереван, 2004), 23-24.

этими двумя полюсами), мы стремились подчеркнуть, что проблемы идентичности или этничности не являются привилегией ни одного из этих полюсов. При всех контрастах эти ситуации в совокупности принадлежат одному и тому же миру. К тому же, разве Север не вошел в «пост-национальную» эру столь же явно, как Юг оказался в «пред-национальной»? Но оба, (и даже один за счет другого) столкнулись с незавершенностью и с кризисом сложившейся благодаря Государству «национальной формы». И этот диагноз стал бы еще убедительнее, если бы мы в еще большей степени учитывали религиозный фактор в формировании «двусмысленных идентичностей»...³.

Формирование в Азербайджане «двусмысленных идентичностей» предполагает еще и двусмысленность ситуации, сложившейся в стране в постсоветский период нациостроительства. Эта двусмысленность, как мне представляется, состоит (помимо прочего) в специфике отношения нынешней азербайджанской власти к религии, в котором, видимо, не может не содержаться противоречий. Власть строго позиционирует Азербайджан как светское государство, и та же власть считает религиозные структуры страны своей личной вотчиной. С помощью бюрократических аппаратов Государственного Комитета по работе с религиозными организациями (нынешний руководитель Идаят Оруджев) и Духовного Управления Мусульман Кавказа (бессменный с советского времени руководитель шейх Аллах-Шюкюр Паша-заде) власть пытается контролировать всех граждан, исповедующих ислам. Политический режим поддерживает идею о том, что азербайджанцы по праву рождения являются мусульманами, но стремится жестко контролировать наиболее активных исламистов. Особенно суннитов приверженцев салафизма, которые как раз на практике, видимо, часто и не подчиняются шейху Паша-заде.

Один из периодов активизации давления на салафитские общины (которые и на бытовом уровне, и на уровне дискурса в СМИ чаще всего обозначаются как ваххабитские) пришелся как раз на 2009 год, когда Баку приобрел статус столицы мусульманской культуры. Однако, устойчивость как шиитских (например, община Нардаранского поселка), так и салафитских общин и сетей, на которые власть пытается оказывать давление, демонстрирует тот факт, что в современной, по определению Питера Бергера, ситуации плюрализма подобные практики перестают быть действенными⁴.

³ Этьен Балибар, Иммануэль Валлерстайн, Вступление, в Э. Балибар, И. Валлерстайн, Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности (Москва, 2003), 8.

⁴ Питер Бергер, «Религия и проблема убедительности», Неприкосновенный запас 6(32) (2003), <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/berger.html> (accessed 26.05.2016).

Ислам в обществе и школе

2007 год ознаменовался так и нереализованным решением властей ввести уроки богословия в школах Азербайджана. Впрочем, несмотря на то, что курс теологии так пока и не стал реальностью, определенные представления о религии (ее вариантах, происхождении, общественной и культурной значимости и пр.) уже давно присутствуют в школьных курсах по истории, а также в курсе «Человек и общество». Причем если курс истории Азербайджана давно и привычно занимает свое место в системе школьного образования, то предмет «Человек и общество» был введен для преподавания в средних школах уже в период выхода Азербайджана из состава СССР, только в начале 1990-х гг. для 9, 10 и 11 классов. Причем само это нововведение предполагало некий акт инновации. Утверждалось, что предмет этот будет новым по содержанию, и, таким образом, будет иметь мало общего с принятым в советские годы курсом «Обществоведение».

Вполне естественным было ожидать, что религия большинства населения – ислам – будет, так или иначе, упоминаться в учебниках по истории Азербайджана и по предмету «Человек и общество». Оба курса направлены на формирование гражданского/национального сознания у детей и подростков, а ислам, особенно в постсоветской ситуации, вновь декларируется как одна из важнейших основ национальной идентичности азербайджанцев. Сам факт отсутствия религии в публичной сфере в советском Азербайджане стал одной из причин быстрого роста ее популярности в постсоветской ситуации. Как указывает Геллнер, «националистическое и модернистское политические движения могут быть антирелигиозными, если прежде религия была тесно связана со старым порядком»⁵. Ислам же, напротив, не только не был связан со старым советским порядком, но и, как стало принято считать в постсоветские годы, противостоял ему.

Таким образом, азербайджанское национальное движение апеллировало и к исламу, как к одной из важнейших, наряду с языком, основ идентичности азербайджанцев. Перефразируя Сейлу Бенхабиб, можно сказать, что «обладать культурой» в постсоветском Азербайджане, т.е. «быть своим» в культурной группе азербайджанцев значит, в числе прочего, быть мусульманином⁶. Впрочем, подобное положение дел не является из ряда вон выходящим. «В странах, где ислам является основной

⁵ Ernest Gellner, *Muslim Society* (London and New York, 1981), 58.

⁶ Seyla Benhabib, *The Claims of Culture. Equality and Diversity in the Global Era* (Princeton and Oxford, 2002), 7.

религией, его власть над людьми за последние сто лет отнюдь не уменьшилась, а в некоторых отношениях даже окрепла. <...> При этом религия одинаково сильна как в странах с традиционалистским режимом, так и в странах, избравших стезю радикальных социальных экспериментов»⁷. В данном случае я не провожу разделения между высоким и массовым (бытовым) исламом. Речь идет, прежде всего, о том, что значение ислама в Азербайджане в постсоветской ситуации постепенно возрастает, и это не может не отражаться на содержании учебников.

Выбор учебников по курсу «Человек и общество» и по истории Азербайджана для анализа изменения дискурса роли и значения ислама в азербайджанском обществе не является случайным. Можно только согласиться с Кеннет Вейн, что «самый противоречивый аспект преподавания» такого рода предметов – это заявления об их «политическом нейтралитете»⁸. Это именно те школьные предметы, которые призваны прививать детям и подросткам «правильные» представления о нормах «нашей» культуры, нормах поведения и морали, «истинных» версиях национальной истории и т.п. Эти представления о нормах и стереотипах поведения, как и постсоветская версия истории, конструируются в контексте современной идеологии нациостроительства.

Как раз «духовные» нормы и призван воспитывать в учениках предмет «Человек и общество». Нужно сказать, что в исследованиях на постсоветском пространстве этому предмету (в отличие от курса по истории) уделяется незаслуженно мало внимания. Однако, именно изучение учебников по курсу «Человек и общество», естественно, наряду с учебниками по истории Азербайджана, а также их сравнительный анализ позволяют «реконструировать коллективные репрезентации социальной реальности, за которыми закреплен статус объективного знания, того, что есть на самом деле»⁹.

Приступая к анализу, осталось еще отметить, что в постсоветский период были разработаны две версии учебников по истории Азербайджана и предмету «Человек и общество». Первая версия была подготовлена в первой половине 1990-х годов, и к 2000-м ее сменила вторая версия учебников

⁷ Эрнест Геллнер, *Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники* (Москва 1994), 25.

⁸ Wain Kenneth, «Оценка учебников по истории и граждановедению. Чьи критерии в самом деле значимы», in Evaldas Vakonis (сост.), *Учебник. Десять разных мнений* (Вильнюс, 2000), 164.

⁹ Оксана Карпенко, «Обучение «национальным» различиям. «Народ» в школьных учебниках обществоведения», в В. Воронков, О. Карпенко, А. Осипов, *Расизм в языке образования* (СПб.: Алетейя, 2008), 51.

по этим предметам. Таким образом, как мне кажется, актуальным является не только сравнительный анализ учебников по этим разным предметам, но также и сравнительный анализ разных версий одного курса.

«Человек и общество»: первая версия нарративов

В разработке первых учебников по этому предмету принимала участие большая группа специалистов гуманитариев, обладавших в основном научными степенями в области философии, которые они получили еще в годы СССР. Среди авторов были и известные в республике специалисты, доктора философских наук, профессора (например, И. Рустамов, Р. Азимова, Р. Бадалов, А. Шукюров и мн. др.). Авторский коллектив, работавший над учебниками, для каждого года обучения обновлялся. Однако неизменным его официальным руководителем оставался профессор, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Джамиль Ахмедли. Нужно отметить, что тексты учебников в полной мере отражают background их авторов. В большинстве своем они не были специалистами в области разработки текстов по программам для средних школ. Поэтому тексты довольно сложны для понимания их учеником школы и выдержаны в духе курса диалектического материализма и социальной философии, который преподавался в советских вузах вплоть до конца 1990-х гг. в вузах уже независимого Азербайджана, в числе прочих и самими авторами учебников. Это некий вариант упрощенного советского философского дискурса.

Бывшие советские философы, ведущие специалисты исследовательских институтов теперь уже Национальной Академии Наук, преподаватели лучших вузов страны, в соответствии с духом времени, должны были уделить определенное внимание и проблеме религии. Однако в этом первом варианте учебников обсуждение роли и значения религии для азербайджанского общества не занимает заметного места. Но, например, вопросам происхождения человека (теория эволюции) авторы уделяют заметно больше внимания. Они постоянно возвращаются к вопросам происхождения человека, и ученикам несколько раз и в разных контекстах напоминают, что «человек отделился от человекообразных обезьян путем естественного отбора» (9 класс, стр. 31, 99-100 и др.; 10 класс, стр. 24 и др.)¹⁰.

¹⁰ А. И. Азизова (ред.), *Человек и общество. Учебник для 9 класса* (Баку, 1997).

Здесь и далее, чтобы не перегружать текст сносками, я буду только один раз давать исходные данные для каждого нового цитируемого учебника, а затем указывать в скобках в самом тексте год выпуска учебника, номер класса и номер страницы.

Все три текста (для 9, 10 и 11 классов) передают, прежде всего, идеи и представления привычного в советских учебниках по философии ряда древнегреческих и средневековых философов, а также ученых нового времени. Авторы постоянно воспроизводят и привычные для «советского» философского дискурса смысловые оценочные клише. Например, Джордано Бруно упоминается как «непримиримый враг католицизма, схоластики и религиозного мракобесия» (9 класс, стр. 15).

О религии авторы начинают говорить в том же учебнике для 9 класса, но никогда (и это относится ко всем трем годам обучения) не возникает тенденции акцентирования преимущественного внимания именно на исламе. При обсуждении тех или иных вопросов авторы упоминают ислам только в ряду других монотеистических религий или любых других религиозных представлений (например, древних греков, римлян или жителей Индии и т.д.). Причем, впервые тема религии возникает тогда, когда обсуждается проблема происхождения человека. Авторы приводят легенды его происхождения из уйгурского варианта «Огузنامه» и Библии. И резюмируют описание длиной в страничку только одной фразой, в которой упоминается ислам: «История Адама и Евы в очень близкой к Библии форме описана в Коране» (9 класс, стр. 19).

Затем авторы сразу переходят к версии происхождения человека, которую предлагает современная наука. Впрочем, в том же параграфе, обсуждая вопросы «жизни и смерти», «судьбы и участи» и т.п., авторы периодически возвращаются к религиозным представлениям, вновь упоминая ислам только в ряду различных других религиозных представлений. «Судьба ни в христианстве, ни в исламе не принимается безусловно, обе эти религии немалое место отводят и исключаемой судьбой свободе человека» (9 класс, стр. 21-22). Самая длинная тирада, посвященная исламу, звучит следующим образом: «Аллах, создатель мира и человека в Исламе, также допускает альтернативность действий и поступков человека, предоставляет ему значительную свободу. Священный Коран учит выбирать такие действия и поступки, чтобы человеку не пришлось бы пострадать в загробной жизни. В Коране сказано, что Аллах через своего пророка и Коран наставляет на путь истинный всех, припадающих к Его милости, из мрака неверия выводит их в свет и указывает верное направление» (9 класс, стр. 22). Только здесь некое особое отношение к исламу в неявной форме, но все же просматривается. Религиозные тексты христиан или иудеев ни разу не сопровождаются эпитетом «священные», кроме того, упоминание «Его» (т.е. Аллаха) «милости» выделяется заглавной буквой.

Все религиозные воззрения описываются в учебниках в духе позитивистской эволюции от примитивных, ко все более развитым. «Люди видели, что их тело умирает, превращается в прах, смешивается с землей. Но они не могли примириться с тем, что со смертью тела человек умирает окончательно, от него ничего не остается. Поэтому у них складывается мнение, что умирает только тело человека, но кроме тела в человеке должно быть нечто вечное и не умирающее. <...> Все это завершилось формированием у людей мысли о наличии в человеке души» (9 класс, стр. 49).

Более конкретно вопросы религии обсуждаются только в учебнике для 11 класса. В параграфе «Духовная жизнь и наследие прошлого» авторы говорят о противоборстве атеизма и религиозного мировоззрения в советские годы. Критикуя «фальсифицированное представление о нашем прошлом» (неизменно популярная с конца 1980-х гг. тема), они в числе прочего указывают на то что «за редким исключением, в список изучаемой и рекомендуемой гуманитарной литературы включались только книги атеистического содержания. А труды религиозных мыслителей либо подвергались сокращению в духе господствовавшей в то время идеологии, либо беспощадно критиковались. В результате такой антинациональной политики, из сокровищницы нашей науки и культуры были исключены многие жемчужины духовного богатства, являющиеся истинной гордостью народа. Примером тому может служить Авеста, созданная мудрым Зардуштом и восходящая своими корнями к глубокой древности (6 век до нашей эры) – религиозно-мифологический памятник, вобравший в себя высшие достижения философской мысли Древнего Востока» (11 класс 1998, стр. 11-12)¹¹. Наряду с «Авестой», упоминается также и тюркский героический эпос «Китаби Деде-Горгуд» («Книга моего деда Горгуда»).

Упоминание «Авесты», безусловно, не случайно и его следует рассматривать «в связи с новым подъемом патриотических чувств», как это случалось уже в Иране в правление Реза-шаха¹². И иранский, и азербайджанский национализм апеллирует к древней религии Зороастра, как к религии великих предков. Что касается героического тюркского эпоса «Китаби Деде-Горгуд», это произведение уже давно играет важную роль в представлениях о великом прошлом азербайджанцев. Таким образом, авторы создают текст, прежде всего, ориентируясь на контекст национализма, и ислам для них – это только один из компонентов национальной

¹¹ М. Дж. Ализаде (ред.), Человек и общество. Учебник для 10 класса русских школ (Баку, 1998).

¹² Mary Boyce, *Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices* (London, 1979), 262.

идентичности азербайджанцев и не самый главный. Поэтому о Коране в данной связи не говорится ни слова.

Вопросам религии посвящены также несколько разделов в этом учебнике. При этом раздел «Религия и ее место в общественной жизни» предваряется скорее антиклерикальными эпиграфами типа «Если не было бы бога, то его надо было бы выдумать», «Бог всегда на стороне больших воинов» (Вольтер) или «парадоксом о Боге: Бог может все. А сможет ли он создать камень такой тяжести, чтобы и сам не смог бы поднять его?» (11 класс, 1998, стр. 27-28). Эти рассуждения в духе «советского курса атеизма» постоянно просматриваются в тексте. Затем, уже в параграфе «Что такое религия?» авторы предлагают следующее определение: «Религия <...> означает веру в наличие сверхъестественной силы или сил. Эти силы не подчинены законам природы, а наоборот, сами определяют изменения в природе и ее развитие. Именно поэтому сверхъестественная сила не познаваема силой разума, она становится доступной человеку только благодаря глубокой убежденности и вере» (11 класс, 1998, стр. 28).

Авторы рассуждают о специфике религии, религиозных верований, при этом не акцентируя внимание на каких-то конкретных религиозных системах, а говорят только об общих аспектах, которые присущи всем религиям. Только в параграфе «Политеистические религии при первобытно-общинном строе» авторы как-то все же связывают религию и азербайджанцев, но это вновь контекст национализма. «Тюрки – один из самых древних народов мира. Среди них была распространена одна из древнейших религий – тотемизм» (11 класс, 1998, стр. 30) Именно древним азербайджанцам/тюркам авторы посвящают значительную часть своих размышлений о феномене религии. Наконец, они приходят к выводу, хорошо знакомому из советского курса философии, что «древние люди, не способные противостоять силам природы, болезням, бедствиям, но стремившиеся препятствовать им, призывали на помощь более сильные существа – богов. Таким образом, возникали религии» (11 класс, 1998, стр. 34).

Следующий параграф авторы обозначили как «Диалог атеистов и верующих», и это попытка примерить два разных взгляда на мир или попытаться примирить свои собственные представления «правильных» советских философов атеистов с изменившимся контекстом, когда правильным стало быть философом верующим/мусульманином. Для авторов же обе стороны «диалога» предстают в положительном свете. Плохие – не верующие или атеисты сами по себе, а только «плохие» верующие или «плохие» атеисты. «И лжеверующий, и лжеатеист в одинаковой степени

опасны, потому что в обоих случаях эти убеждения не беспристрастны и не бескорыстны» (11 класс, 1998, стр. 37).

Авторы задаются и личным вопросом, который является для них «закономерным»: «А каково должно быть отношение к религии и атеизму в демократическом Азербайджане? В Азербайджане между религией и атеизмом должны быть установлены цивилизованные отношения. Люди, занимающие и ту, и иную позиции не должны забывать, что споры между религией и атеизмом никогда не прекратятся и не завершатся победой той или иной стороны. А от этих споров выиграет наша культура. Потому что атеизм вынуждает верующих относиться к религии творчески, искать и находить новые аргументы в свою пользу. И верующие, теологи, найдя эти аргументы, отвечают на критику со стороны атеистов. В то же время критика атеизма религией побуждает атеистов развивать свои мысли, находить новые доказательства» (11 класс, 1998, стр. 36-37). Таким образом, авторы приходят к парадоксу (чего сами и не замечают) – роль и значение атеистов в том, чтобы верующие еще больше уверовали и, наоборот, в том, чтобы атеисты еще больше утвердились в своих представлениях.

Наконец только в 10 параграфе, который авторы посвящают описанию монотеистических религий, даются самые общие сведения о буддизме, иудаизме, христианстве и исламе. Никакой религии не уделяется преимущественное внимание, разве что некоторая эмоционально положительная оценка ислама. «Исламские нормы, регулирующие отношения между народами и отдельными людьми, его демократизм и веротерпимость <...> высокая оценка им науки, знаний, мудрости, его требования быть справедливыми, милосердными, человечными, правдивыми соответствовали чаяниям людей, хранимым в глубинах их сердец» (11 класс, 1998, стр. 39). Особая важность именно «демократизма» и «веротерпимости» возникает как раз в постсоветском контексте. Ислам «хорош», потому что не запятнал себя связями с советским тоталитарным обществом и хорошо подходит для современного демократического общества, которое декларативно строится в Азербайджане. Никакой дискуссии о «нашей» религии не возникает. И, наконец, только еще один реверанс в сторону «религии большинства», авторы подчеркивают, что ислам «в настоящее время является одной из самых распространенных в мире религий. По последним данным, до 1 млрд. человек на земле исповедуют ислам» (11 класс, 1998, стр. 39).

Все это обсуждение завершается уже в следующем параграфе – «Религия и мораль», где авторы, рассказывая о пользе религиозных запретов,

упоминают и то, что «сохраняются некоторые запреты ради запретов». Они как бы задают сами себе вопрос: «Трудно понять, почему в исламе запрещено есть свинину, какой вред или зло предупреждается этим? О вреде свинины при жарком климате Аравии говорить не приходится, потому что во многих странах Африки и Азии с не менее жарким климатом свинину едят запросто, без всяких опасений. <...> От этих запретов видно одна единственная польза: они приучают людей быть дисциплинированными, не делать того, по поводу чего сказано «нельзя». Всякая мораль, культура начинается с этого. После того, как человек научится не делать запретного, ему можно указать на запреты, полезные для духовности, морали. Бог так и делает». Таким образом, логика Бога, которую авторы считают нужным рационально осмыслить – это объяснение дисциплины через саму дисциплину, и здесь они не замечают противоречия с предыдущим тезисом о демократичности ислама (11 класс, 1998, стр. 41).

В заключении вновь повторяется тезис о полезности дискуссии между богословами и атеистами. И авторы приходят к выводу, что «каждая религия – отдельный путь, ведущий к единому богу. Бог дает каждой нации религию, соответствующую ее психологии, природе, дабы она своим путем обратилась к единому Аллаху». И, наконец, последний реверанс в сторону ислама – «в настоящее время среди иудаистских и христианских богословов, не признававших ранее пророчества Мухаммеда того, что и он довел до людей идеи, внушенные ему богом, имеются ученые-теологи, соглашающиеся с тем, что и Мухаммед, и Будда обладали божественным даром» (11 класс, 1998, стр. 44).

Последней характерной чертой текстов, на которой стоит остановиться, является такой подход, когда в конце или в начале параграфов помещаются короткие афоризмы от персонажей, заслуживающих «доверия». В этой первой версии учебных нарративов по предмету «Человек и общество» во всех трех без исключения учебниках это афоризмы только от известных философов, ученых, писателей, в числе которых: Рене Декарт, Франсуа Рабле, Сократ, Пьер Бомарше, Низами Гянджеви и др. Именно этот подход претерпит наибольшие изменения во второй версии учебников.

История Азербайджана: первая версия нарративов

Авторы учебников по истории Азербайджана – это также те специалисты, которые проходили профессиональную социализацию в годы СССР и оказались востребованными и в постсоветский период. Что касается

тех двух учебников, тексты из которых будут анализироваться в данной статье, то центральной фигурой в коллективе их авторов следует, видимо, считать Ягуба Махмудлу, который уже долгое время возглавляет Институт истории при Национальной Академии Наук. Он является постоянным соавтором обеих версий постсоветских учебников для пятого и седьмого классов. Директор Института истории известен как сторонник идеи автохтонности тюрков на территории Южного Кавказа, мифа о тюркском происхождении шумеров и пр.

Будучи ограничена рамками статьи, я останавлиюсь только на некоторых событиях, связанных с походами арабов и распространением, в связи с этим, ислама в Азербайджане. В этих описаниях довольно рельефно отражаются представления авторов об исламе, месте и роли этой религии в истории азербайджанцев. Эта тема возникает в учебнике для 7 класса, в параграфе 11-ом, который обозначается как «Борьба Джаваншира за независимость страны и его внешняя политика». Это хорошо известный и советскому школьнику образ Джаваншира, албанского феодального правителя 7 века, вновь появляющегося на страницах постсоветского учебника в качестве национального героя азербайджанского народа. И это неудивительно, так как образы средневековых героев, сформированные в советское время, остались практически неизменными. Кроме того, авторы учебников по истории так же, как и авторы учебников по предмету «Человек и общество», проходили профессиональную социализацию в годы СССР. Поэтому и теперь школьник знает, что «вместе с иранскими войсками против арабов более семи лет отважно воевал албанский правитель, знаменитый полководец Джаваншир» (7 класс, 1997, стр. 50)¹³. Вполне в духе современных представлений о «правильном» правителе национального государства, и «Джаваншир, как глава страны, мечтал защитить неприкосновенность границ и независимость государства» (7 класс, 1997, стр. 50).

Авторы заявляют далее «о превращении (Джаваншира. – С.Г.) в абсолютного правителя территории, простиравшейся от границ Иберии до гуннских ворот и реки Аракс» (7 класс, 1997, стр. 50). Далее, этот феодальный правитель средних веков, наделенный авторами чертами практически идеального государственного мужа, вступает в противоборство с арабами. «Когда передовые отряды арабской армии вторглись в Албанию, Джаваншир согласился на предложение византийского императора о ведении совместной борьбы против них. После этого албанский прави-

¹³ Ягуб Махмудлу, Юсиф Юсифов, Рагим Алиев, *История Азербайджана. Учебник для 7 класса* (Баку, 1997).

тель с упорством продолжал борьбу против арабов» (7 класс, 1997, стр. 50). Описывая эту до определенного времени бескомпромиссную борьбу с арабами, авторы ничего не говорят об исламе. То есть ислам как бы отделяется от арабов, предстающих только в образе очередных врагов, вторгшихся в Азербайджан.

Борьба оказалась бесперспективной, и ученик узнает следующее: «Чтобы дипломатическим путем отрегулировать отношения с халифатом, Джаваншир в конце 60-х годов два раза ездил на свидание к халифу Муавие I. Халиф не затронул внутренней самостоятельности Албании и даже уменьшил на одну треть налог, взимаемый с ее населения. Если одной из причин уступок со стороны халифата были богатые природные ресурсы Албании, ее выгодное стратегическое и географическое положение, то второй важной причиной был личный авторитет албанского правителя» (7 класс, 1997, стр. 51). Это современное представление о геополитическом значении Азербайджана, приписываемое арабам седьмого века, не очень помогло главному герою параграфа, и «в 681 г., в результате заговора провизантийски настроенных местных феодалов, Джаваншир был убит» (7 класс, 1997, стр. 52). Далее все завершается знакомой из многих других нарративов историей, когда «пришедший к власти племянник Джаваншира не смог продолжить его политику. Халифат постепенно ликвидировал внутреннюю самостоятельность Албании» (7 класс, 1997, стр. 50).

Наконец, авторы переходят в параграфе 12-ом, озаглавленном как «Принятие исламской религии», к рассказу о событиях, непосредственно связанных с «нашествием арабов». Здесь имеет смысл привести следующую выдержку из учебника:

Накануне арабского нашествия, в условиях наличия в Азербайджане различных религиозных убеждений, невозможна была политическая стабильность. Мудрые люди считали, что распространение в Азербайджане исламской веры может обеспечить политическую стабильность и национальное единство страны. Указанные выше причины и соображения усиливали интерес и доверие к арабам и распространяемой ими религии. Арабы в завоеванных странах, в том числе в Азербайджане, использовали исламскую религию как действенный способ укрепления власти. Арабы с уважением относились к религиям, которые признавали величие и единство справедливого и милосердного Бога и были основаны на посланных Богом священных книгах (например, Тора, Евангелие). Ислам с уважением относился к религиям «людей Писания», которые обладали божественной сущностью. К остальным религиям отношение не было однозначным. Однако из-за религиоз-

ных убеждений никто не преследовался. Мнение о насильственном, «силой меча» навязывании исламской веры является выдумкой. Арабы в Азербайджане, после сбора налогов и оброка, не вмешивались во внутренние дела населения, не затрагивали его прежних религиозных убеждений и обрядов (7 класс, 1997, стр. 54).

В этом довольно длинном пассаже нельзя не заметить несколько противоречивую попытку непротиворечиво объяснить ученику почему же бескомпромиссная борьба христианского правителя Джаваншира (исключительно позитивный образ) не стала достаточным основанием для отказа от ислама. Выясняется, что арабы не были такими уж страшными и «непримиримыми противниками», а Джаваншир, по всей видимости, не относился к числу «мудрых людей». Выбор религии становится свободным и единственно правильным волеизъявлением «народа», который в лице «своих мудрецов» мечтал в 7 веке о единстве. И ислам подошел как нельзя кстати, ведь как раз:

Новая религия была более гуманной, обнадеживающей, объективной и справедливой. Законы и догмы ислама удерживали людей от плохих поступков, вызывали у них прекрасные чувства и привычки, усиливали веру в свои способности и силы. Данная религия призывала пользоваться плодами честного труда, не зариться на труд и богатство других, протягивать руку помощи сиротам, инвалидам, беспомощным и, в первую очередь, братьям по вере, удерживала от зависти, эгоизма, высокомерия (7 класс, 1997, стр. 54-55).

Возможно, что установка «не зариться на богатство других» может прозвучать особенно актуально в современном Азербайджане, с его весьма значительной разницей в доходах у населения. Однако, более интересно другое – нельзя не заметить, что ислам становится более правильной религией именно в сравнении с иудаизмом и христианством, т.е. обеими «традиционными» и для современного Азербайджана конфессиями. Несколько выходя за рамки изложения, следует отметить, что принятие ислама большинством населения не стало достаточным основанием для стабильной политической жизни в Азербайджане в последующие века. Авторы легко преодолеют и это противоречие, усмотрев в отсутствии стабильности происки некоего «христианского блока».

Далее авторы очень кратко и доступно объясняют специфику ислама, его пять основ. «Чтобы понять суть ислама, важно знать основы шариата. Каждый верующий мусульманин должен считать своей обязанностью соблюдение таких важных условий, как признание пророческой миссии Мухаммада; молитва (намаз); пост (орудж); налог в пользу бедных; па-

ломничество в Мекку, считающихся основными столпами ислама. Ислам проповедовал единобожие» - завершают авторы этот пассаж.

Наконец, как-то уже без превосходных эпитетов, вдруг весьма приземлено и деловито рассказывается о сугубо рациональном выборе религии определенными группами населения.

Новая религия относительно быстро распространилась в южной части Азербайджана, на Мугани, Мильской равнине, на Каспийском побережье, вдоль рек Куры и Аракс, и особенно в городах. Однако в горных и предгорных местах, где были устойчивы позиции христианства, новая религия встретила сильное сопротивление. Можно сказать, что ислам принимали без колебаний и добровольно те слои населения, которые хотели сохранить имевшиеся у них привилегии и земельные владения, а из неимущих слоев те, кто хотел избавиться от налога-джизьи» (7 класс, 1997, стр. 55).

Однако, к концу этого рассказа авторы вновь переполнены эмоциями, и ученик узнает, что:

Распространение ислама в Азербайджане явилось небывалым переломным моментом в судьбе народа, стало основой для его духовного развития, дало толчок его культурному возвышению. Доисламская культура, изменяясь, приобрела новое качество. Азербайджанская культура приняла влияние общеисламской культуры. Объединение севера и юга страны в составе халифата явилось основой для политической стабильности, способствовало объединению народа, превращению городов, вследствие их развития, в политические и культурные центры. Взаимное развитие наук в исламских странах, их полезное влияние стали причиной оживления экономики» (7 класс, 1997, стр. 50).

Таким образом, именно арабы становятся той силой, которая способствовала формированию единого азербайджанского народа, принесла в страну религию, которая способствовала его объединению. Джаваншир в свете этого пассажа должен был бы окончательно растерять остатки мудрости, которые еще можно было бы ему приписать. Ведь он как бы становится препятствием на пути этого «небывалого переломного момента». При этом пока непонятно, почему общий не только для азербайджанцев, но и для, например, фарсов и прочих жителей региона ислам не становится основой для их общего объединения в один народ.

Разница первой версии нарратива по истории Азербайджана с тем, который предлагали авторы курса «Человек и общество», хорошо просматривается в четком выделении в курсе истории только ислама как положительного для формирования «единого народа» феномена. В учеб-

никах истории авторы не акцентируют внимание на других религиях, в отличие от того, как это делают авторы курса «Человек и общество». Они размышляют о происхождении единого азербайджанского народа только в свете приятия большинством жителей страны ислама. Будучи озабочены поисками основ не-«двусмысленной» идентичности, они ищут способы позитивно оценить ислам и находят их в репрезентации его как некоей, скорее уж, светской идеологии. В данной версии это был акт коллективного рационального выбора веры, которая воспринималась как подходящая для конструирования основ единства для всех азербайджанцев.

«Человек и общество»: вторая версия учебников (2000-е годы)

Уже в учебниках второй версии предмета «Человек и общество», которые стали активно издаваться в 2000-х тысячных годах и заменили прежние, дискурс о роли и значении ислама претерпевает заметные изменения. Впрочем, практически полностью изменяется и авторский коллектив, руководителем которого теперь становится уже не философ, а доктор психологических наук, профессор Бахтияр Алиев. Нужно сказать, что в годы СССР психологов докторов наук в республике практически не было. Таким образом, это уже скорее новое поколение тех, кто добился степеней и званий при независимом Азербайджане.

Вопросы религии обсуждаются уже в первый год обучения предмету, а не в последний. Авторы четко проводят идею «нашей» религии. Именно «в нашей религии пить спиртное – грех. Священный Коран категорически запрещает правоверным принимать напитки, дурманящие разум человека. Неся в себе самое высокое нравственное качество, в то же время это основополагающая заповедь, заставляющая человека заботиться о своем здоровье» (8 класс, 2006, стр. 50)¹⁴. Дискуссия о логике религиозных запретов в тексте полностью отсутствует, и ученику нормы Корана преподносятся как исключительно правильные и рациональные, как, вместе с тем, догма.

При этом тексты второго поколения в значительной степени противоречивее первого. На той же странице авторы вдруг говорят о том, что „умение пить, зная свою норму – одна из сторон культуры. Ибн-Сина говорил: «Немножко водки – это лекарство, в излишке – смертельный яд»» (8 класс, 2006, стр. 50). Таким образом, средневековый врач и

¹⁴ А. Агаева (ред.), *Человек и общество. Учебник для 8 класса* (Баку, 2006).

философ, который во всех учебниках преподносится как представитель «мусульманского Востока/цивилизации», вдруг говорит о нормах, противоречащих Корану. Однако, такого рода противоречия, возможно, легко нивелируются через повседневные практики, которые, видимо, не рефлектируются и самими авторами учебников. Большинство населения страны, декларативно репрезентируя себя как мусульмане, никаких специальных норм не придерживаются (массовый/бытовой ислам). Поэтому как для ученика, так и для составителя учебника это рассуждение может и не содержать противоречия, а являться просто результатом фоновознания (повседневные практики), когда «все» как бы мусульмане, но многие из них едят свинину и пьют водку.

Тема «нашей» религии вновь возникает в параграфе, весьма эмоционально обозначенном как «Не любя Родину нельзя называться человеком». «Великий наш Пророк так сказал о любви к Родине: «Любовь к Родине происходит из веры в Аллаха»» (8 класс, 2006, стр. 95). И только вслед за упоминанием уже «великого» и «нашего» пророка авторы обращаются к нарративу, которому отводится важное место в концепции азербайджанского национализма – «Китаби Деде Горгуд». В результате можно наблюдать, как статус ислама в отношении важных для национальной идеологии текстов изменяется, становясь более значимым.

Наконец, в 21 параграфе, обозначенном как «Веротерпимость», авторы конкретно обращаются к теме религии. «Что такое религия? Религия – это путь, связывающий людей с более значимой реальностью, скрывающейся за действительностью, воспринимаемой органами чувств. Этот путь – божий путь, обучающий людей высокой нравственности, добродетели, неприятию зла.» Легко заметить, что это определение заметно отличается от того, которое предлагалось в первой версии учебников. В первой версии – это вера в сверхъестественное, и у каждого есть выбор принимать ее или нет. Во второй версии учебников – это «более значимая реальность», это некий «правильный», «божий путь», по которому следует идти всем.

Поначалу авторы еще не акцентируют внимание на исламе, а выдают только несколько противоречивых определений религии. Религия в этой версии – это «не следствие беспомощности первобытных людей перед силами природы, а их стремление познать тайны окружающего их мира. Из-за отсутствия у человека достаточного ума и сознания, чтобы ответить на вопросы, возникшие в связи с непонятными для него явлениями природы, он стал связывать их причины с невидимыми силами – духами. В результате возникла религия» (8 класс, 2006, стр. 100). Предлагая эти

два взаимоисключающих определения, авторы и сами указывают на то, что есть два разных подхода к объяснению феномена религии – либо она «обладает божественной природой», либо «создана людьми».

Понятие «атеизм», как альтернатива веры в бога, на страницах учебника не появляется. Религия – это желание познать мир, и именно она демонстрирует «образец подлинного совершенства», а «религиозная практика открывает дорогу к совершенной божественной любви, совершенной извечной истине». Таким образом, Бог – это некая извечная истина, идеал совершенства, а религиозные практики и ритуалы – это способы приблизиться к этому идеалу. При этом все ответы на «загадочные явления» будут предметом поиска в религиозных постулатах до тех пор, «пока не будет научных ответов на поставленные вопросы» (8 класс, 2006, стр. 101). Впрочем, ответы, предлагаемые наукой, по версии авторов становятся только подтверждением давно уже описанных в Коране феноменов.

Как выясняется, именно Коран соединяет в себе идеалы религии и науки. «Священная книга Коран – один из самых величественных памятников мировой культуры. Будучи религиозно-философским, правовым источником мусульманства, в то же время Коран является энциклопедией, дающей научные толкования многим вопросам. Коран... дает точные сведения о многих предстоящих в будущем событиях, научных открытиях. Еще недостаточно раскрытые аяты Корана сообщают о непостижимых на сегодняшний день открытиях будущего» и т.п. (8 класс, 2006, стр. 101-102). «Наша» религия «ислам сегодня самая широко распространенная религия в мире. Эта религия набирает мощь и увеличивает число своих приверженцев на основе присущих ей ценностей, нравственных и правовых норм, культурного потенциала» (8 класс, 2006, стр. 102). Хорошей тенденцией становится увеличение числа сторонников ислама во всем мире, но особенно на «Западе и в Америке», где «интеллигенция стала проявлять больше интереса к исламу» (8, 2006, стр. 102). Таким образом, это возврат к демократизму ислама, но совсем в другом контексте. Если ислам подходит интеллектуалам в развитых демократических странах (а именно такими «мы» и стремимся стать), то это и есть наиболее важное подтверждение значимости «нашей» религии.

Одновременно, ислам становится уже и некой силой, поддерживающей границы идентичности в ситуации глобализации. «Ислам в принципе принимает процессы интеграции, глобализацию, однако решительно отвергает те стандарты, которые не соответствуют его нормам нравственности, критериям ценностей» (8 класс, 2006, стр. 102). Наконец, авторы

вспоминают, что идея параграфа – это рассуждение о веротерпимости и упоминают все же и о том, что все верующие должны относиться друг к другу терпимо, а Азербайджан как раз и демонстрирует идеал подобного положения дел. Не забывают авторы и подчеркнуть, что «Азербайджан – мусульманская страна, свыше 90 % населения здесь – мусульмане» и «в воспитании веротерпимости в Азербайджане немаловажная роль принадлежит исламу». Именно «наша» религия своим утверждением «для каждого из вас мы установили один Шариат и один путь... в принципе считает приемлемым религиозный плюрализм»» (8 класс, 2006, стр. 103, 104). Таким образом, именно ислам становится идеалом религии терпимости, что подтверждает своим авторитетом и «знаменитый европейский историк Адам Мец». Практически авторы занимаются рекламой только ислама (который в рекламе как бы и не нуждается), тогда как веротерпимость в стране (тема раздела) ограничивается в основном только иллюстрацией «Папа Римский в Азербайджане».

Наконец, авторы уже в конце учебника в параграфе «Благородство и милосердие» особое внимание уделяют и пророку Мухаммеду, который, по их мнению, является образцом этих качеств. «Пророк Мухаммед, являвшийся самым достойным из всех людей, был образцом высокого благородства. По признанию его супруги, нравственность Пророка заключалась в наивысшей нравственности – в Коране. Иными словами, его духовная и внешняя красота еще не встречались ни в одном из появившихся на свет людей. Его чистота и красота были отражены на его лице. Он был приветлив. Увидев его однажды, больше не хотели расставаться с ним» и т.п. (8 класс, 2006, стр. 135-136). Таким образом, пророк становится воплощением идеального мужчины, неким светским вариантом которого становится Гаджи Зейналабдин Тагиев, известный в республике миллионер-меценат, живший в конце 19 – начале 20 века в Баку и сделавший состояние на добыче нефти. Последний описывается примерно в том же духе. В отличие от текстов первой версии, авторы никак не акцентируют внимание на буддизме, а иудаизму и христианству уделяют только несколько коротких фраз.

Однако, весь текст учебника хоть и в неявной форме, но все же пронизан персонифицированной конкуренцией между светскими и религиозными компонентами идентичности азербайджанцев. Эта конкуренция отражена в подборе афоризмов и крылатых фраз, помещающихся в конце параграфов. Причем, во второй версии текстов уже каждый параграф сопровождается «изречениями мудрецов» и здесь конкуренцию изречениям пророка Мухаммеда и в меньшей степени цитатам из Корана пред-

ставляют только афоризмы от Гейдара Алиева, президента Азербайджана в 1993-2003 гг. (ни того, ни другого в первой версии учебников не было). Он, как и пророк Мухаммед, тоже вариант идеального мужчины, но еще и являющегося этническим азербайджанцем. Нужно сказать, что пока Пророк конкуренцию скорее проигрывает. Впрочем, и Азербайджан, в котором ислам занимает все более важные позиции, остается все еще светским государством.

История Азербайджана: версия вторая

В учебниках истории (их второй версии) интересная специфика апелляции к исламу возникает уже в тексте, разработанном для пятого класса. Центральный негативный образ для 5 и 7 классов описывается из перспективы ислама, как «неверные в черных одеяниях». Здесь само понятие «неверные» (гяуры) предполагает, что авторы и потребители являются, напротив, правильными последователями мусульманских законов. Это учебник как бы для «анти-гяуров», т.е. «правоверных». В нарративе, посвященном эпосу «Деде Коркут», авторы так определяют этих «неверных»: «Страницы этого дастана изобилуют описаниями героизма азербайджанского народа. В нем ярко отражена борьба нашего народа против армянских и грузинских феодалов и их покровителей. Армянские и грузинские феодалы и их покровители названы в дастане *„неверными в черных одеяниях“*» (5 класс, 2003, стр. 66)¹⁵. Дастан становится в руках авторов учебников неким непротиворечивым историческим документом, удостоверяющим ситуацию непримиримой враждебности христиан к мусульманам, при этом авторы не пытаются развести понятия тюрки и мусульмане.

В результате «неверными», т.е. этими армянскими и грузинскими феодалами, и иже с ними становятся те, кто противостоит не только (и не столько) мусульманам, а скорее тюркам-огузам, которых авторы не спешат обозначить как еще и последователей ислама. В тексте проскальзывают и мысли, что с тех пор мало что изменилось. «Дастан «Деде Горгуд» доказывает (т.е. становится неким документом, обличающим «врагов». - Г.С.), что уже тогда армянские и грузинские правители и другие «неверные» хотели, чтобы тюрки, уничтожая друг друга, ослабили себя. Для этого они старались натравить тюркских храбрецов друг на друга» (5 класс, 2003, стр. 67). Далее религиозная принадлежность тюрков-огузов становится еще более туманной, так как авторы вдруг замечают, что «ког-

¹⁵ Я. Махмудлу, Р. Халилов, С. Агаев, *Отечество. Учебник для V класса*. Третье издание (Баку, 2003).

да огузы попадали в затруднительное положение, они обращались к Танры, связывая свои надежды с Аллахом – «создателем мира из ничего». В тяжелые минуты они «выносили священную книгу» – Коран, клали на него руку и клялись. Это показывает, что огузы уже приняли ислам» (5 класс, 2003, стр. 69).

Таким образом, без каких-либо внятных объяснений тюрки-огузы, т.е. прямые предки нынешних азербайджанцев, сами уже ведут себя как «неверные», обращаясь одновременно и к Танры, с одной стороны, и к Аллаху с Кораном, с другой. Далее авторы демонстрируют уже определенный «прогресс» в своих представлениях и в отличие от версии 1990-х годов, где принятие ислама было только основой для общеазербайджанского единства, здесь уже это единство состоялось. Теперь вместе с тюрками боролись и другие мусульмане, не тюрки, и **«наконец сложился единый азербайджанский народ»** (5 класс, 2003, стр. 69). И здесь авторы вновь путают все понимание ситуации, вдруг упоминая, что обычаи огузов, а не мусульман, стали нормой для всех азербайджанцев (5 класс, 2003, стр. 211). Постоянная двусмысленность ситуации проходит через весь нарратив.

В учебнике для 7 класса, в параграфе 8-ом, мы вновь встречаемся с Джаванширом. Теперь это параграф «Борьба албанского правителя Джаваншира с иноземцами». Здесь ученику вновь рассказывают, что «в 633 году арабская армия со стороны Ирака перешла границу Сасанидской империи. Сасанидский правитель потребовал у всех стран, подчиненных империи, в том числе и у Албании, предоставить войска для сражения с арабами. Албанский правитель Вараз Григор в 634 году отправил войско под командованием своего сына Джаваншира» (7 класс, 2001, стр. 49)¹⁶. Однако, исполнив все свои героические подвиги и «осознав бессмысленность дальнейшей борьбы, Джаваншир в 640 году вернулся в Албанию. Арабы знали его как смелого и храброго полководца. Поэтому арабские военачальники заранее знали, что им будет трудно воевать в стране Джаваншира» (7 класс, 2001, стр. 50).

Далее авторы уже как-то более конкретны, в параграфе 9-ом, озаглавленном как «Завоевание Азербайджана арабами», одной из тем становится «Распространение исламской религии в Азербайджане». Однако, вновь арабы предстают как захватчики и враги, которым оказывалось героическое сопротивление. «Многочисленная арабская армия после столетней напряженной борьбы смогла завершить завоевание Азербайд-

¹⁶ Я. Махмудлу, Ю. Юсифов, Р. Алиев, А. Годжаев, *История Азербайджана. Учебник для 7 класса* (Баку, 2001).

жана. Чтобы сломить сопротивление народа, арабы благодушно обходились с населением и даже шли на уступки» (7 класс, 2001, стр. 60). Далее мы встречаем несколько модернизированную версию описания положительных сторон ислама. «Ислам усиливал в человеке веру в свои силы и способности. Призывал всегда жить на средства, добытые честным трудом. Запрещал зариться на богатство других людей. Учил помогать одиноким, калекам, беспомощным и в первую очередь братьям по вере, предостерегал от жадности, эгоизма и кичливости» (7 класс, 2001, стр. 49). Вновь с некоторыми изменениями следует рассказ о специфике притя ислама.

Новая религия распространилась сравнительно быстро *в южной части Азербайджана, на Мугани, Миле, побережье Каспийского моря, на землях, расположенных по течению рек Куры и Аракса* и, особенно, в городах (выделено как в тексте. – С.Г.) Но в горных и предгорных местностях, где были сильны позиции христианства, усилилось сопротивление новой религии. Некоторые ради сохранения существующих привилегий и своих поместий принимали исламскую религию.

Трудно судить по тексту, почему на одних ислам производит благоприятное воздействие, а на других нет. Впрочем, авторы и не задаются целью раскрыть эти вопросы. Наконец, ученик узнает, что:

Распространение исламской религии в Азербайджане произвело небывалый перелом в судьбе народа. Она стала основой для его духовного развития, дала толчок духовному подъему народа. Изменив содержание доисламской культуры, приобрела новое качество (выделено как в тексте. – С.Г.) (7 класс. 2001, стр. 62).

Таким образом, можно констатировать, что тексты по истории Азербайджана пережили гораздо менее значительные изменения своего содержания, чем курс «Человек и общество». Что и неудивительно, учитывая, что в случае с коллективами, подготавливавшими учебники по истории, состав авторов, готовивших вторую версию, оставался практически прежним, работавшим и над первой версией. В последних версиях обоих курсов ислам окончательно становится важнейшей составляющей «духовного облика», морали и принципов жизни азербайджанцев. Ислам также остается религией, принятие которой создало условия для «объединения народа». Однако, «двусмысленность» прививаемых представлений об исламе сохраняется. Эта двусмысленность отражается в том, что ислам становится некой версией скорее светской идеологии для постсоветского Азербайджана, чем пропаганды религиозного образа жизни. Ислам национализируется и становится, прежде всего, «нашим»

исламом, а Шариат и Коран мирно сосуществуют с Танры, стереотипами жизни средневековых тюрков-огузов и с правом выпить немного водки, если это не повредит здоровью. Так и ислам принимается только в той «дозе», которая способствует, по мысли авторов, существованию единого азербайджанского народа.

Заключение

Национализация ислама?

По мнению Светоховского, в постсоветский период «в противовес тенденции превращения шиизма в национальную идею и замешивания государственности на шиизме – что мы видим не только в Иране, но также в Ираке и Ливане – Азербайджан сделал выбор в пользу «национального ислама» - концепции, возникшей еще в начале двадцатого века, в которой ислам воспринимается как неотъемлемая часть национального самосознания независимо от меры религиозности отдельных граждан»¹⁷. Я думаю, что в данном случае, рассуждения Светоховского отражают официальную позицию политического режима, которая находит свое отражение и в учебниках, которые анализировались в данной статье. Продолжая свои мысли, Светоховский указывает и на то, что:

В отношениях с другими мусульманскими народами Азербайджан особо подчеркивает самобытность азербайджанского ислама, стремясь тем самым эмансипироваться от зарубежных, в первую очередь иранских, религиозных центров. «Национальный ислам» видится как этап на долгом историческом пути освобождения от религиозного доминирования Ирана. Но в то же время в этой концепции подчеркивается необходимость единства шиитов и суннитов, а значит – отказ от любых конфронтационных, жестких или бескомпромиссных позиций¹⁸.

Как эта позиция отражается в учебниках я и попыталась продемонстрировать. И в завершении следует подчеркнуть, что отказ от конфронтации между суннитами и шиитами не означает обязательного отказа от конфронтации, например, с «христианским блоком», который появляется в учебниках истории Азербайджана. Нужно также подчеркнуть, что даже последняя версия курса «Человек и общество» выглядит гораздо менее конфронтационной, чем оба постсоветских курса по истории Азербайджана.

Репрезентации ислама в школе претерпели заметную динамику в постсоветской ситуации. Постепенно у него не осталось никакой конкурен-

¹⁷ Светоховский, «Ислам и национальное самосознание», 26.

¹⁸ Ibidem, 27.

ции в лице других религиозных систем, а атеизм окончательно сдал свои позиции. При этом система светского преподавания не нацелена на прививание знаний о религиозных правилах, нормах и ритуалах. Речь скорее идет о символической идентичности – о декларативном приписывании азербайджанцев к исламу, как одной из важнейших основ их идентичности. Перефразируя Марка Ферро, можно было бы сказать, что единое зеркало исламского мира ныне разбито¹⁹ и возможно осколки уже никогда не собрать. В школах детей учат быть национальными, а не считать себя частью «мусульманского мира/цивилизации». И в этом контексте ислам пока остается только одним из компонентов этничности («наша» религия), хоть и важным ее компонентом. По словам Светоховского, «постсоветский Азербайджан продолжает заново открывать свои исторические корни. Этот процесс включает в себя возврат к исламу, но все же носит преимущественно этнокультурный характер»²⁰. И здесь важным аспектом является указание на эту ситуацию, как на процесс. Этот процесс продолжает развиваться, в нем принимает участие все большее число коллективных акторов, и не исключено, что возможные будущие результаты его удивят нынешних наблюдателей.

Rezumat

Cuvinte cheie: Azerbaidjan, identitate, manual, islam

Diverse idei privind islamul (versiunile și originile sale, semnificația sa socială și culturală etc.) sunt prezente de mult timp în cadrul cursurilor școlare de istorie, dar și în cadrul cursului „Omul și societatea”. Cursul „Omul și societatea” a fost lansat la începutul anilor 1990, în școlile secundare (gimnaziile și licee) din toată țara, în clasele 9, 10 și 11, după ieșirea Azerbaidjanului din componența URSS. Creatorii cursului afirmau, că acesta reprezenta o acțiune inovatoare. Era subliniat faptul, că acest curs ar fi unul nou în ceea ce privește conținuturile și că, astfel, ar avea foarte puțin în comun cu cursul de „Științe sociale” predat în timpurile Uniunii Sovietice. Există atunci o așteptare destul de firească, conform căreia religia majorității populației, islamul, va fi cel puțin menționată, în orice caz, în manualele pentru acest curs, care își asuma scopul declarat să formeze cetățeni „corecți”. Naționalismul azer privea islamul ca unul dintre cele mai importante fundamente și componente ale identității azere, de rând cu limba azeră. În același timp, sistemul laic și secular al educației de stat nu are drept scop să se axeze pe

¹⁹ Марк Ферро, *Как рассказывают историю детям в разных странах мира* (Москва, 1992), 305.

²⁰ Светоховский, «Ислам и национальное самосознание», 30.

predarea și învățarea regulilor, normelor și ritualurilor religioase. Aceasta este, mai curând, o chestiune de identitate simbolică, legată de apartenența declarativă a azerilor la comunitatea islamică. Islamul este interpretat ca una dintre bazele cele mai semnificative ale identității lor colective. În acest context, islamul, cel puțin deocamdată, rămâne doar una dintre părțile componente ale etnicității azere (fiind perceput ca „religia noastră”), chiar dacă reprezintă un element important al acesteia.

Reprezentările islamului în școală au suferit o schimbare perceptibilă a dinamicii în contextul situației post-sovietice. Treptat, islamul a câștigat în fața tuturor concurenților potențiali, reprezentări de alte sisteme religioase, iar ateismul și-a cedat pozițiile în mod definitiv. În același timp, sistemul educației laice nu are drept scop explicit predarea islamului sau formarea valorilor religioase. Rolul identitar al islamului persistă, însă „oglinda a fost spartă”, iar bucățile nu mai pot fi reasamblate. Copiii sunt învățați în școală să fie naționaliști, iar nu să se considere parte integrantă a „lumii / civilizației musulmane”. Astfel, islamul este în mod evident subordonat proiectului de construire a identității naționale.